

А. Н. МАСЛОВ

“ГРЕЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД”
КАК МАРКЕР ИДЕНТИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА?
Перечитывая сочинение Томаса Уолсингема “*Ditis ditatus*”

Характерными чертами «типично средневековых» представлений о гибели Трои нередко считается их зависимость от рассказов псевдо-очевидцев – Дарета Фригийского и Диктиса Критского (их «правдивые записи» противопоставлялись «лживым» сочинениям Гомера и иных древних поэтов), а также явная симпатия западных писателей к троянскому лагерю. Однако в ряде случаев данные оппозиции не наделялись принципиальным значением, и доминантой повествования оказывался синтез самых разных по происхождению известий о легендарном конфликте древности. Наиболее четко подобная «всеядность» проявляется в период XIV–XV вв., по мере существенной диверсификации корпуса троянских сказаний, усложнения соответствующей политической мифологии и усиления интереса к языческим верованиям как неотъемлемому элементу античной традиции. Обращаясь к произведению Томаса Уолсингема “*Ditis ditatus*”, автор акцентирует внимание на тех аспектах, которые прямо соотносятся с обозначенным синтетическим прочтением легендарного материала и техниками согласования «исторической» и «поэтической» репрезентации троянского прошлого в контексте позднесредневековой культуры.

Ключевые слова: *Дневник Троянской войны, Диктис Критский, Томас Уолсингем, рецепция античности*

В центре статьи – позднесредневековая латинская адаптация¹ одного из известнейших сегодня текстов, посвященных гибели Трои, — «Дневника Троянской войны», который приписывался вымышленному участнику легендарного конфликта — Диктису Критскому, спутнику царя Идоменея². Эта поздняя подделка (наряду с т.н. «Историей о разрушении Трои» Дарета Фригийского) в Средние века считалась самым достоверным свидетельством о войне между греками и троянцами. В данном качестве она нередко противопоставлялась «лживым рассказам» Гомера и других поэтов, которые не могли (или не хотели) сообщить «правду», засоряли свои повествования языческими небылицами и т.д. И тексту Дарета, и тексту Диктиса посвящено огромное количество специальных работ³, они доступны в переводах (в том числе, на русский), и, вообще, вряд ли нуждаются в особом представлении.

---

¹ Holtze 1974.

² *Dictys Cretensis* 1973.

³ Из относительно недавних публикаций, посвященных бытованию «Дневника» Диктиса и «Истории» Дарета в позднеантичном контексте, можно выделить: Schetter 1987, 1988; Merkle 1989, 1990, 1996, 1999; Beschoner 1992; Usener 1994; Pavano 1996; Cristóbal López 2001; Bretzighheimer 2008, 2009; Mheallaigh 2008; Hrs-fall 2008–2009; Bobrowski 2009; Gainsford 2012; Movellán Luis 2014; Lentano 2014.

Стоит, однако, оговорить, что «Дневник» Диктиса (точнее, латинский его перевод) гораздо хуже представлен в собственно средневековой рукописной традиции⁴. Но благодаря тому, что этот рассказ в XII в. был использован при написании старофранцузского «Романа о Трое», имя «греческого очевидца», как и имя Дарета, стало общеизвестным и регулярно повторялось на страницах книг, которые восходили к «Роману о Трое» (а таковых насчитывают изрядное количество).

Латинская обработка «Дневника» Диктиса, о которой далее пойдет речь, – плод ученых занятий писателя, хорошо знакомого средневековым. Это англичанин Томас Уолсингем, составитель прославленной «Большой хроники» (применительно к периоду 1376–1422 гг.), «Деяний аббатов Сент-Олбанского монастыря» и ряда иных текстов «историко-мемориальной» направленности⁵. Менее известна та часть его творческого наследия, которая тесно связана с античной литературной традицией. Сюда относятся такие тексты, как “Archana deorum” (развернутый комментарий на «Метаморфозы» Овидия), “Historia Alexandri Magni principis” (составлена на основе раннесредневековой латинской “Historia de proeliis”), сборник “Prohemia poetarum” (свод «подступов» или ученых прологов – т.н. *accessus ad auctores* – к сочинениям ряда античных и средневековых писателей) и, наконец, адаптация «Дневника» Диктиса, созданная, вероятно, в период с 1380 по 1394 гг.⁶

Что представляет собой эта адаптация? В целом, перед нами – замечательный пример компилятивного подхода: Томас Уолсингем дословно воспроизводит авторитетный «старинный» текст, регулярно дополняя повествование всевозможными пояснениями, которые касаются мифологии, географии, «народоведения», астрономии и т.д. В основу этих развернутых комментариев положены фрагменты, по большей части, отлично известных западной публике древних авторов – Вергилия, Овидия, т.н. Латинского Гомера, Горация, Плиния Старшего, Стация, Солина, Лактанция, Сервия, Павла Орозия и др. Как и в случае с основным рассказом, заимствования носят, в большинстве своем, буквальный характер. В этой связи сочинение вроде бы очень удобно для демонстрации «специфически средневекового» отношения к проблеме оригинальности текста, но, справедливости ради, стоит подчеркнуть, что Уолсингем обычно указывает, у кого именно он заимствовал

---

⁴ Большая часть манускриптов относится к XV в., рукописей старше этого времени насчитывают всего семь, три самые ранние из них датированы IX в.

⁵ Из недавних работ о Томасе Уолсингеме отметим публикации Дж. Кларка (Clark 2002, 2004 и ряд др.). Один из актуальных примеров обращения к историческим текстам Уолсингема в российской науке: *Калмыкова* 2010.

⁶ В целом, вопрос о датировке “Ditis ditatus” и других «классических» трудов Уолсингема довольно сложен и связан с пересмотром ряда гипотез В.Х. Гэлбрейта (Clark 2002. P. 853; *Federico* 2016. P. 2, n. 5).

материал, всякий раз отделяя (для этого в рукописи использованы специальные значки) исходный рассказ Диктиса от поясняющих его вставок. Он явно не претендует на презентацию комплекса собранных сведений только под своим именем: напротив, он приводит подробную характеристику пересказываемого «древнего текста» (опираясь на сведения стандартного пролога, предварявшего «Дневник» Диктиса в латинской традиции), о себе же говорит как о человеке, который помог «преумножить» или «обогатить» (лат. *ditare*) первоначальное повествование. Отсюда и название – “*Ditis ditatus*”, т.е. «обогащенный Диктис».

Понять, насколько такое «обогащение» было востребовано последующими поколениями читателей, можно исходя из того, что до наших дней сохранилась *всего одна* рукопись с текстом данного произведения, т.е. ни о какой популярности не может быть речи⁷. Кодекс, содержащий “*Ditis ditatus*” и множество других латинских текстов, хранится под шифром *Rawlinson B. 214* в оксфордской Бодлейанской библиотеке. Он датируется второй половиной XV в. (не ранее 1469 г.)⁸ и представляет собой обширную антологию, части которой весьма различны и по объему, и тематически. Адаптация Диктиса, выполненная Уолсингемом, размещается в самом начале книги, занимая более ста листов. Она как будто открывает первый блок текстов, в котором преобладают рассказы о военных подвигах и прославленных монархах. Так, непосредственно за работой Уолсингема следуют краткая версия «Илиады» Симона Шевр д’Ор⁹, метризованные перечни правителей Британии и Англии¹⁰, серия небольших анонимных поэм, повествующих о битвах при Креси, Невиллс-Кроссе (1346) и включении в герб английской короны капитингских лилий¹¹, поэма о войнах Эдуарда I с шотландцами¹², аноним-

⁷ Стоит отметить, что и другие сочинения «классического» цикла, вышедшие из-под пера сент-олбанского книжника, по большей части, уцелели в составе одного или – в лучшем случае (как “*Archana deorum*”) – двух манускриптов.

⁸ См. полное описание: *Rigg 1977. P. 309–324*. Переписчиком кодекса выступил августинец Джон Уайлд (в рукописи: “*J. Wylde*”, “*Jhon Wilde*”) из Уолтемской обители Св. Креста (Эссекс).

⁹ Небольшая латинская поэма, созданная в середине XII в. Переписчик *Rawlinson B 214* не знал имени ее подлинного автора (лат. *Simon Aurea Capra*, фр. *Simon Chèvre d’Or*), текст «Илиады» Симона в этом манускрипте воспроизведен не полностью и озаглавлен “*DESCRIPCIO ET RECAPITULACIO METRICA DE BELLO TROIANO SECUNDUM*” (*Rigg 1977. P. 314*).

¹⁰ Согласно Дж. Риггу, они представляют собой выдержки из текстов Томаса Элмхема и Джона Уитхемстеда (*Ibid. P. 314–315*).

¹¹ Тексты поэм публиковали (с учетом других рукописных копий и в иной конфигурации) Т. Райт (*Wright 1859. P. 26–53; Wright 1861. P. 130–131*) и Дж. Ригг (*Rigg 1999. P. 177–196*).

¹² Текст этой поэмы опубликован Т. Райтом по более ранним рукописям: *Wright 1839. P. 160–179*.

ная эпитафия на смерть Эдуарда III¹³, короткая поэма об испанской экспедиции (1367) Эдуарда Черного Принца¹⁴, ряд текстов Томаса Элмхема (включая сокращенный вариант известной “*Liber metricus de Henrico Quinto*”), анонимная ода на перемирие 1347 г.¹⁵. Дальнейшее содержание кодекса выглядит более пестрым, преобладающими становятся краткие тексты сатирического плана¹⁶, поток которых прерывает поэма Уолтера из Питерборо о битве при Нахере (воспроизведена примерно наполовину¹⁷). Наконец, в последней части манускрипта вновь проявляется интерес составителя к античной мифологии: раздел открывается серией миниатюр, посвященной языческим богам и явно отсылавшей потенциального читателя к соответствующим пассажам “*Ditis ditatus*”¹⁸. Следом переписчик поместил *accessus* к овидиевым «Метаморфозам» и развернутое толкование (лат. *expositio*) этой поэмы¹⁹.

Как видно, значительная часть латинской антологии, в составе которой сохранился текст Уолсингема, «работала» на авторитет английского королевского дома в лице Эдуарда I, Эдуарда III, Эдуарда Черного Принца и Генриха V. Такой «конвой» позволяет видеть в сочинении “*Ditis ditatus*”, помещенном в самом начале кодекса, своеобразный резервуар мифологических сюжетов, развернутых описаний древних героев и реалий «античности», а также соответствующих поэтических тропов, обращение к которым было актуальным, поскольку владелец кодекса интересовался латинской поэзией в целом и подобающими литературными формами прославления царственных соотечественников²⁰. Помимо этого, для составителя кодекса обработка «Дневника» Диктиса могла резонно предвзвешивать (в чисто хронологическом плане) перечисление островных правителей, играя роль традиционного «тройянского пролога» к разговору о более поздней британской истории. Впрочем, степень традиционности и уместности именно «греческого» свидетельства о Троянской войне вполне может быть оспорена применительно к ожиданиям западной аудитории. На одной из недавних по-

¹³ Опубликовано: *Wright* 1859. P. 219–224.

¹⁴ *Ibid.* P. 94–96.

¹⁵ *Ibid.* P. 53–58.

¹⁶ Их перечень см. в статье: *Rigg* 1977. P. 319–321.

¹⁷ Стр. 96–114 в издании Т. Райта (*Wright* 1859. P. 96–122). Наряду с *Rawlinson B. 214* Райт использовал рукопись [Oxford, Bodleian Library] *Digby 166*. Отметим, что особенностью *Rawlinson B. 214* является наличие в ней уникального текста Пролога (fol. 189r–189v) к поэме Уолтера из Питерборо.

¹⁸ Данный иконографический цикл довольно хорошо известен специалистам по рецепции античности (перечень публикаций отдельных изображений см.: *Rigg* 1977. P. 322). Анализ миниатюр в связи с мифографическими аспектами текста Уолсингема см.: *Federico* 2013. P. 175–176; *Federico* 2016. P. 134–136.

¹⁹ Об идентификации этих текстов см.: *Rigg* 1977. P. 323–324; *Coulson* 1998.

²⁰ Ср. *Rigg* 1977. P. 329–330.

пытках столкнуть сведения «обогащенного Диктиса» с обычным для [образованной] островной публики восхвалением собственных «троянских истоков», мне и хотелось бы остановиться чуть подробнее.

“*Ditis ditatus*”, как и другие тексты Уолсингема на античную тематику, исследован пока недостаточно. Его единственное критическое издание увидело свет в далеком 1974 г. в рамках докторской диссертации Элизабет Хольце²¹ и на сегодня остается непревзойденным. В целом же, обращение к интересующей нас ипостаси сент-олбанского хрониста (как знатока древних текстов и мифографической традиции) серьезно актуализировалось благодаря публикациям Джеймса Кларка и, в первую очередь, его «программной» статье «Переосмысленный Томас Уолсингем»²². Именно исследованиям Кларка мы обязаны относительно стройной контекстуализацией сочинения “*Ditis ditatus*” и его толкованием в качестве характерного примера увлечения «классиками» среди английских интеллектуалов конца XIV – начала XV в.²³

Применительно к троянской тематике, текст Уолсингема может быть проблематизирован в трех основных аспектах. Во-первых, очень занимателен сам факт доступности текста Диктиса в Англии второй половины XIV в., поскольку (как отмечено выше) случаи прямого использования «Дневника Троянской войны» вплоть до середины XV в. крайне редки, что находит параллель и в истории с тиражированием / циркуляцией рукописей. К сожалению, вероятность реконструкции гипотетической цепочки, по которой одна из копий «Дневника» в конце концов попала к Уолсингему, довольно мала. Хотя Кларком и высказывалось предположение о том, что сент-олбанский книжник был знаком с августинцем из Йорка Джоном Эргомом, среди рукописей которого единственный раз применительно к Англии до конца XV в. упомянут труд «Диктиса Критского», строить какие-то выводы на этой основе непросто. По-видимому, более твердая база может появиться лишь по мере комплексного изучения обстоятельств, при которых в распоряжении Уолсингема оказались копии иных (редких и не очень) античных либо раннесредневековых текстов, но и эта задача крайне трудна и вряд ли будет решена в ближайшее время.

Еще одна линия проблематизации связана с модным для современной историографии и литературоведения (особенно, англо-американского) желанием соотнести регулярное обращение английских авторов конца XIV – начала XV в. к троянской теме с масштабными поли-

---

²¹ *Holtze* 1974.

²² *Clark* 2002. Эта статья позднее вошла в монографию Кларка “Монастырский ренессанс в Сент-Олбансе” (*Clark* 2004. P. 209–238).

²³ И в уже упомянутых работах, и в ряде иных текстов (напр.: *Clark* 2011) Дж. Кларк отстаивает мысль о том, что английские монастыри в данный период играли важнейшую роль в трансляции знаний об античности.

тическими конфликтами в период правления Ричарда II, и – шире – с неким *кризисным восприятием* окружающей политической реальности интеллектуалами позднего Средневековья. Такой тренд оформился на пересечении двух весьма интересных (хотя отнюдь не бесспорных) гипотез. Первая развивалась еще Дэвидом Бенсоном²⁴ и была наиболее четко сформулирована Джеймсом Симпсоном²⁵. Оба автора подчеркивали особый, пессимистический характер позднесредневековых нарративов о Троянской войне: многие подробные рассказы о противостоянии греков и троянцев не столько подкрепляли миф о славном троянском происхождении тех или иных западных династий (либо целых народов), сколько подрывали его, выступали образчиками своеобразной «контрмифологии». Вторая захватывающая теория в конце 1980-х – начале 1990-х гг. кристаллизовалась благодаря Ли Паттерсону, который, обдумывая соотношение эротической и политической линий в знаменитой поэме Чосера «Троил и Крессида», предположил, что здесь обыгрывается тема девиантных любовных связей в ближайшем окружении молодого короля Ричарда II – связей, не понимаемых и не принимаемых большинством, а потому обрекающих сообщество «троянцев» (вроде бы и объединенных перед лицом общей угрозы) на раскол и пробуждение плохо контролируемой тяги к саморазрушению²⁶.

Обозначенные подходы весьма интересно переплелись в ряде работ Сильвии Федерико. Уже в своей докторской диссертации²⁷, а затем и в первой монографии²⁸ американская исследовательница предельно заостряла характеристику Лондона эпохи Ричарда II – «Новой Трои» – как территории [порочной] изменчивости и нестабильности. Федерико вычитывала у таких поэтов, как Джон Гауэр и Ричард Мэйдстоун, мотивы, якобы позволявшие изобразить английскую столицу ареной (и участницей!) матримониального соперничества, в ходе которого существенно понижался статус мужчины-правителя. Поскольку мне уже доводилось высказывать сомнения относительно верифицируемости этих построений²⁹, ограничусь здесь лишь словами о том, что на каждый довод С. Федерико в пользу драматичности и травматичности «троянского настоящего» Лондона, может быть предложен менее сенсационный контраргумент. Вместе с тем, упомянуть о таком прочтении совершенно необходимо, ведь очень похожий набор интерпретационных фильтров Федерико недавно использовала при анализе сочинения Уолсингема “*Ditis ditatus*”.

---

²⁴ Benson 1980.

²⁵ Simpson 1998.

²⁶ Patterson 1991. P. 84–164.

²⁷ Federico 1997. P. 60–104.

²⁸ Federico 2003. P. 1–28.

²⁹ Маслов 2013.

Речь идет о статье в ежегоднике “Studies in the Age of Chaucer”³⁰, которая затем – с рядом дополнений – была включена в новую книгу Федерико, посвященную работам Уолсингема на (около)классические темы³¹. Собственно, здесь и можно обнаружить всю линейку модных ныне «новоисторицистских» клише: опыт обращения к памяти о троянском происхождении для писателей (и читателей) Позднего Средневековья в целом *травматичен*, а применительно к эпохе правления Ричарда II *травматичен* вдвойне: поскольку Уолсингем крайне критично относился к этому правителю, то и выбор им в качестве источника для адаптации «враждебного» (греческого) свидетельства Диктиса далеко не случаен³². По мнению Федерико, английский писатель *сознательно* дезавуирует обычное позитивное восприятие троянских героев, ведь вместо того, чтобы выбрать более адекватный в плане прославления троянцев (да и более доступный) текст Дарета, он пересказывает «Дневник» *грека* Диктиса, уделившего гораздо больше внимания непотребному поведению Париса, склокам в троянском лагере, недовольству рядовых троянцев своими вождями и т.д.³³ Все эти «скандальные» повороты сюжета предсказуемо проецируются на общественные настроения в Англии конца XIV в., которые обусловили свержение короля Ричарда³⁴. В общем и целом, написание Уолсингемом текста “Ditis ditatus” позиционируется как своеобразный *политический* жест, интерпретированный, помимо прочего, вкуче с «синхронным» (и столь же «злободневным») обращением Чосера к трагической истории любовных отношений между троянским царевичем и ветреной Крессидой.

Коль скоро, однако, читатель заведет знакомство с оригинальным текстом “Ditis ditatus”, он убедится, что ни о какой единой системе координат, ни о какой исключительно «греческой» перспективе применительно к этому опусу говорить нельзя. Уолсингем, действительно, заботится о том, чтобы читателю было понятно, где рассказ ведется от имени Диктиса, а где – нет, но при этом оказывается совершенно всеяден в качестве соавтора / комментатора. Повествование Диктиса «обо-

³⁰ *Federico* 2013.

³¹ *Federico* 2016. P. 95–136 (Ch. 3. Court Politics and Italian Letters in *Ditis ditatus* and *Troilus and Criseyde*). Далее ссылки приводятся именно на эту позднейшую публикацию.

³² *Ibid.* P. 99–103. См. в данной связи и весьма показательное заключение Федерико относительно роли “Ditis ditatus” в составе кодекса Rawlinson B. 214: *Ibid.* P. 127–128. Вызывает удивление тот факт, что Федерико никак не комментирует следующий за “Ditis ditatus” список «Илиады» Симона Шевр д’Ор, которая выдержана в традиционном («протроянском») ключе. Вероятно, упоминание об этом тривиальном (во всех смыслах) тексте может несколько помешать презентации “Ditis ditatus” в качестве вместилища «антирикардианских аллюзий».

³³ *Ibid.* P. 115–120.

³⁴ *Ibid.* P. 121–125.

гащается» за счет самых разных сочинений античности (в меньшей степени – средневековых текстов) так, что никакого ощущения при-
верженности одному-единственному «носителю правды» не возникает. В ряде случаев Уолсингем привлекает (оговаривая это) и рассказ Дарета Фригийского³⁵, и – очень активно – «певца империи» Вергилия³⁶, и [латинского] Гомера³⁷. В деле оптимизации лаконичного текста «очевидца» этот “*Omerus*”, кстати, замечен едва ли не чаще остальных «классиков». Кажется, что оппозиция греческий / троянский (римский), как и противопоставления правдивый / ложный, проза / поэзия, отнюдь не релевантна замыслу английского книжника, «продвигающего» не историю, а *фабулу* – мифологический рассказ, в основу которого помещены сведения уважаемого древнего писателя и который расцвечен сведениями других не менее уважаемых авторов. Откуда эти последние почерпнули свои знания, были они греками или римлянами, писали прозой или стихами, Уолсингема в данном конкретном случае, по-видимому, не очень волновало.

Такой подход, к слову, противоположен манере знаменитого Гвидо делле Колонне – составителя более ранней «Истории разрушения Трои»³⁸ (закончена в 1287 г.). Гвидо тоже сочинял на латыни, тоже не прочь был блеснуть эрудицией, тоже старался (время от времени) чему-то научить аудиторию. В его «Истории» обозначенные выше оппозиции прослеживаются довольно четко. Для Гвидо рассказы о Троянской войне делятся на правдивые и лживые: правду рассказывают Дарет и Диктис («будто бы в один голос»³⁹), а лжет Гомер, поскольку не был очевидцем, находился во власти языческих предрассудков, вел рассказ в стихах, соперничал греческим героем. Носителем «полуправды» может быть представлен Вергилий, который «если о деяниях троянцев, когда касался их, рассказывал, по большей части озаряясь светом истины, то в остальном от выдумок Гомера воздержаться не пожелал»⁴⁰.

Такой градации древних авторов и такого критического запала нет в тексте Уолсингема. «Обогащая» Диктиса, наш компилятор проявляет себя не столько «ловцом правды» или моралистом, сколько ценителем «старины вообще», – в этом качестве он формирует не совсем стандартный взгляд на Троянскую войну и ее последствия, в известной мере абстрагируясь от мемориально-идентичностных и нравственных

---

³⁵ *Holtze* 1974. P. 21, 289.

³⁶ *Ibid.* P. 60, 70, 74, 95–96, 105, 108, 136, 199, 207, 217, 243, 249–250, 257, 259, 286.

³⁷ *Ibid.* P. 37–38, 59, 70, 94–95, 98, 100, 102, 105–107, 113–116, 118, 121, 137–138, 145–147, 151, 160, 163, 170, 200, 205.

³⁸ *Guido de Columnis* 1936.

³⁹ Этот аспект восприятия «аутентичных свидетельств» Дарета и Диктиса недавно рассмотрен в статье: *Маслов* 2016. С. 89–95.

⁴⁰ *Guido de Columnis* 1936. P. 4.

компонентов повествования о прошлом⁴¹. Его подход более напоминает гуманистическую («обмирщенную») модель: Уолсингем предлагает читателям некую коллекцию знаний о героях, богах, верованиях древности и собирает сведения о них где только возможно, создавая в итоге своеобразное пособие по мифологии, которая, однако, – и это нужно особо подчеркнуть, – практически не выступает в “*Ditis ditatus*” «сырьем» для христианской аллегоризации и каких-либо нравочений⁴².

Представляется, таким образом, что сочинение “*Ditis ditatus*” может быть полезно для перенастройки аналитической «оптики» современных исследователей, сталкивающихся с подробными описаниями Троянской войны и – уже по привычке – декодирующих эти рассказы в проблемном кадре конфликта идентичностей, «надломленной» групповой памяти и тому подобным ракурсах. На протяжении последних десятилетий медиевисты не переставали говорить о значимости троянских сказаний в связи с топикой *translatio imperii*, с обоснованием или критикой властных претензий, с продуцированием образов Своего и Другого. Сегодня более интересным выглядит поиск культурных контекстов или, если угодно, исторических ситуаций, в которых эти коды могли в какой-то мере размыться и (конечно же, не утрачивая всей своей значимости!) восприниматься с меньшей категоричностью. Иными словами, хотелось бы акцентировать в корпусе троянских легенд Средневековья, черты не только обосновывающего / развенчивающего чьи-то властные претензии нарратива, но и повествования, включающего в себя потенциально различные векторы смыслополагания. Именно эта линия проблематизации сочинения “*Ditis ditatus*” может быть более важна по сравнению с попытками представить данный текст очередным свидетельством травмирующего и политизированного диалога с древностью в «мрачную эпоху» позднего Средневековья.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Калмыкова Е.В.* Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М.: Квадрига, 2010. [*Kalmykova E.V.* Obrazy vojny v istoricheskikh predstavleniyah anglichan pozdnego Srednevekov'ya. M.: Kvadriga, 2010]
- Маслов А.Н.* Несчастная «новая Троя»? К интерпретации латинской поэмы о примирении короля Ричарда II с лондонцами // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4–3. С. 88–99. [*Maslov A.N.* Neschastnaya «novaya Troya»? K interpre-

⁴¹ Говоря об особенностях подхода Уолсингема к освещению Троянской войны, нельзя отрицать существование (и востребованность) в конце XIV – начале XV в. совершенно иных вариантов подачи легендарного материала.

⁴² Об этом равнодушии к морализации пишет и сама С. Федерико: *Federico* 2016. P. 96. Однако она не акцентирует данный аспект в качестве явного отличия текста Уолсингема от современных ему среднеанглийских переработок «Истории» Гвидо делле Колонне. Между тем, именно склонность Гвидо и его подражателей к нравочениям зачастую толкуется как выражение критического настроения по отношению к «славным героям» языческой древности.

- tacii latinskoj poehmy o primirennii korolya Richarda II s londoncami // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2013. № 4–3. S. 88–99]
- Маслов А.Н. Неслучайные очевидцы Троянской войны, или Еще раз о времени и правде свидетельства в средневековой традиции // Социология власти. 2016. № 2. С. 78–115. [Maslov A.N. Nesluchajnye ochevidcy Trojanskoj vojny, ili Eshche raz o vremeni i pravde svideitel'stva v srednevekovoj tradicii // Sociologiya vlasti. 2016. № 2. S. 78–115]
- Benson C.D. *The History of Troy in Middle English Literature*. Woodbridge: Brewer, 1980.
- Beschorner A. *Untersuchungen zu Dares Phrygius*. Tübingen: Narr, 1992.
- Bobrowski A. “Dziennik wojny trojańskiej” Diktysa z Krety. Studium historycznoliterackie. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2009.
- Bretzigheimer G. Dares Phrygius: *Historia ficta*. Die Präliminarien zum Trojanischen Krieg // Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge. Bd. 151. 2008. H. 3–4. S. 365–399.
- Bretzigheimer G. Dares Phrygius: Transformationen des Trojanischen Kriegs // Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge. Bd. 152. 2009. H. 1. S. 63–95.
- Clark J.G. Thomas Walsingham Reconsidered: Books and Learning at Late Medieval St. Albans // *Speculum*. Vol. 77. 2002. No. 3. P. 832–860.
- Clark J.G. *A Monastic Renaissance at St Albans: Thomas Walsingham and his Circle, c. 1350–1440*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Clark J.G. Introduction // *The Chronica maiora* of Thomas Walsingham, 1376–1422 / Transl. D. Preest; with an introd. by J.G. Clark. Woodbridge: Boydell Press, 2005. P. 1–22.
- Clark J.G. Monastic Manuscripts and the Transmission of the Classics in Late Medieval England // *Vehicles of Transmission, Translation, and Transformation in Medieval Textual Culture* / Ed. by R. Wisnovsky a.o. Turnhout: Brepols, 2011. P. 335–352.
- Coulson F.T. Two Newly Identified *accessus* to Ovid’s *Metamorphoses* in Oxford, Bodleian Library, MS Rawlinson B. 214, and London, British Library, MS Harley 2693 // *Manuscripta*. Vol. 42. 1998. No. 2. P. 122–123.
- Cristóbal López V. Introducción // *La Iliada latina. Diario de la guerra de Troya* de Dictys Cretense. *Historia de la destrucción de Troya* de Dares Frigio / Intr., trad. y notas de M.F. del Barrio Vega, V. Cristóbal López. Madrid: Gredos, 2001. P. 117–178.
- Dictys Cretensis*. *Ephemeridos belli Troiani libri* / Hrsg. von W. Eisenhut. Leipzig: Teubner, 1973.
- Federico S. *Old Stories and New Trojans: The Gendered Construction of English Historical Identity*. PhD Diss. Indiana University, 1997.
- Federico S. *New Troy: Fantasies of Empire in the Late Middle Ages*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003.
- Federico S. Two Troy Books: The Political Classicism of Walsingham’s *Ditis ditatus* and Chaucer’s *Troilus and Criseyde* // *Studies in the Age of Chaucer*. Vol. 35. 2013. P. 137–77.
- Federico S. *The Classicist Writings of Thomas Walsingham: ‘Worldly Cares’ at St Albans Abbey in the Fourteenth Century*. Woodbridge: York Medieval Press, Boydell Press, 2016.
- Gainsford P. Diktys of Crete // *The Cambridge Classical Journal*. Vol. 58. 2012. P. 58–87.
- Guido de Columnis. *Historia destructionis Troiae* / Ed. by N. E. Griffin. Cambridge (Mass.): The Mediaeval Academy of America, 1936.
- Holtze E.A. *The Ditis Ditatus a fratre Thoma Walsingham: An Edition*. PhD Diss. University of Nebraska, 1974.
- Horsfall N. Dictys’s *Ephemeris* and the Parody of Scholarship // *Illinois Classical Studies*. No. 33–34 2008–2009. P. 41–63.
- Lentano M. Come si (ri)scrive la storia. Darette Frigio e il mito Troiano // *La légende de Troie de l’Antiquité Tardive au Moyen Âge*. 2014. <http://atlantide.univ-nantes.fr/IMG/pdf/atlantide-2-lentano.pdf>
- Merkle S. *Die Ephemeris belli Troiani* des Diktys von Kreta. Frankfurt am Main: Lang, 1989.
- Merkle S. Troiani belli verior textus. Die Trojaberichte des Dictys und Dares // *Die deutsche Trojaliteratur des Mittelalters und der Frühen Neuzeit: Materialien und Untersuchungen* / Hrsg. von H. Brunner. Wiesbaden: Reichert, 1990. S. 491–533.
- Merkle S. *The Truth and Nothing but the Truth: Dictys and Dares // The Novel in the Ancient World* / Ed. by G. Schmeling. Leiden–New York–Köln: Brill, 1996. P. 563–580.

- Merkle S. News from the Past: Dictys and Dares on the Trojan War // *The Latin Fiction: The Latin Novel in Context* / Ed. H. Hofmann. L.; N.Y.: Routledge, 1999. P. 131–140.
- Mheallaigh K.N. Pseudo-Documentarism and the Limits of Ancient Fiction // *American Journal of Philology*. Vol. 129. 2008. No. 3. P. 403–431.
- Movellán Luis M. Estrategias de autorización en Dictys y Dares // *La légende de Troie de l'Antiquité Tardive au Moyen Âge*. 2014. URL: <http://atlantide.univ-nantes.fr/IMG/pdf/movellan.pdf>
- Patterson L. Chaucer and the Subject of History. Wisconsin: Un-ty of Wisconsin Press, 1991.
- Pavano A. La quaestio daretiana: problemi ecdotici, esegetici, metodologici // *Cassiodorus*. Vol. 2. 1996. P. 305–321.
- Rigg A.G. Medieval Latin Poetic Anthologies (I) // *Mediaeval Studies* Vol. 39. 1977. P. 281–330.
- Rigg A.G. Propaganda of the Hundred Years War: Poems on the Battles of Crecy and Durham (1346): A Critical Edition // *Traditio*. Vol. 54. 1999. P. 169–211.
- Schetter W. Dares und Dracontius über die Vorgeschichte des Trojanischen Krieges // *Hermes*. Bd. 115. 1987. H. 2. S. 211–231.
- Schetter W. Beobachtungen zum Dares Latinus // *Hermes*. Bd. 116. 1988. H. 1. S. 94–109.
- Simpson J. The Other Book of Troy: Guido delle Colonne's *Historia destructionis Troiae* in Fourteenth- and Fifteenth-Century England // *Speculum*. 1998. Vol. 73. No. 2. P. 397–423.
- Usener K. Dictys und Dares über den Troischen Krieg: Homer in der Rezeptionskrise? // *Eranos*. Bd. 92. 1994. S. 102–120.
- [Wright T.] *The Political Songs of England, from the Reign of John to that of Edward II* / Ed. by T. Wright. London: J.B. Nichols and son, 1839.
- [Wright T.] *Political Poems and Songs Relating to English History: Composed during the Period from the Accession of Edw. III. to that of Ric. III* / Ed. by T. Wright. Vol. 1. London: Longman, Green, Longman and Roberts, 1859.
- [Wright T.] *Political Poems and Songs: Composed during the Period from the Accession of Edw. III. to that of Ric. III* / Ed. T. Wright. Vol. 2. L.: Longman, Green, Longman and Roberts, 1861.

Маслов Артем Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий Центром исторической и культурной антропологии, зам. директора по научной работе Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; maslovartem@yandex.ru

“Greek Perspective” as a Marker of Identity Conflict? Rereading Thomas Walsingham’s *Ditis ditatus*

It is dependence on the narratives of the so-called “real witnesses” (“Dares the Phrygian” and ‘Dictys of Crete’), not the “poets” (like Homer), and also deep sympathy toward the Trojans that usually seem to scholars the most typical feature of the medieval Troy stories. However there were some cultural contexts and situations when the oppositions had no such a cruel significance and the synthesis of the legend’s different versions became more important for narrators. Analyzing Thomas Walsingham’s *Ditis ditatus* the author emphasizes in it those narrative details, which could be related to this “synthetic” approach to representations of the ancient past and to a kind of concordance between “historical” and “poetic” views on the matter of Troy during the Late Medieval period.

Keywords: Ephermeris belli Troiani, Dictys Cretensis, Thomas Walsingham, cultural reception of Antiquity

Artem Maslov, PhD in History, Chief of the Center of Historical and Cultural Anthropology, Deputy Director for Research of the Institute of International Relations and World History at Lobachevsky State University (Nizhny Novgorod); maslovartem@yandex.ru